

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
--------------------	---

ГЛАВА 1

Пределы мира: как менялось понимание безопасности и миротворчества в международных отношениях

1.1. От Вестфалии до Версаля: эволюция международного регулирования	14
1.2. Безопасность как категория силы и права.	21
1.3. Миротворчество: понятие, границы, политический смысл.	28
1.4. Критика традиционного подхода: гуманитарные и постколониальные вызовы.	34

ГЛАВА 2

Система миротворчества ООН: от классического к комплексному формату

2.1. Рождение «голубых касок»: первые шаги в условиях холодной войны.	41
2.2. Организационная архитектура: Совбез, Генассамблея, Департамент операций по поддержанию мира	47
2.3. Переход от наблюдателей к интервенциям: эпоха комплексных миссий.	54

2.4. Миростроительство, постконфликтное восстановление и новые форматы вмешательства	60
---	----

ГЛАВА 3

СССР и становление миротворческого подхода: идеология, практика и ограничения

3.1. Советская концепция международного порядка и роль ООН	66
3.2. Стратегия дистанцирования: вето, критика, пассивное участие	72
3.3. Тайная дипломатия и опосредованное влияние на операции ООН	78
3.4. Наследие советской политики в постсоветской внешней стратегии	84

ГЛАВА 4

Россия в миротворчестве ООН: от наблюдателя к участнику глобальных процессов

4.1. Постсоветский поворот: от дезориентации к дипломатическому рывку	91
4.2. География российского миротворчества: от СНГ до Африки	97
4.3. Российские интересы в операциях: безопасность, престиж, влияние.	103
4.4. Реформаторская риторика: предложения России по преобразованию ООН	109

ГЛАВА 5

Национальные интересы и гуманитарная политика в миротворчестве

5.1. Миротворчество как инструмент внешней политики государств	115
5.2. Гуманитарные операции: помощь или прикрытие?	126

5.3. Конфликт ценностей: универсализм против суверенитета	136
5.4. Политика двойных стандартов в действиях западных стран	145

ГЛАВА 6

Кризис доверия: миротворчество ООН между мандатом и реальностью

6.1. Утрата авторитета Совбеза и дефицит единства	154
6.2. Провалы миссий: Руанда, Сребреница, Гаити	160
6.3. Универсальность под вопросом: гуманитарные операции и обвинения в предвзятости	166
Кейс 1. Ирак: гуманитарная программа как кризис доверия.	167
Кейс 2. Афганистан: гуманитарная деятельность в тени оккупации.	169
Кейс 3. Ливия: гуманитарный мандат как политический инструмент.	172
Кейс 4. Сирия: провал универсального гуманитарного реагирования	174
Кейс 5. Африканские конфликты: невидимая зона универсальности	177
6.4. Возможности восстановления доверия: иллюзия или шанс?	180

ГЛАВА 7

Когда рушится порядок: кризис универсальных механизмов и поиск нового миротворчества

7.1. Новые войны: гибридность, асимметрия, приватизация насилия.	185
7.2. ООН и киберугрозы: пробелы в мандате и практике	191

7.3. Роль региональных акторов: Африканский союз, ШОС, ЕС	197
Африканский союз: активность, амбиции и институциональные пределы	198
ШОС: безопасность без универсальности.	200
Европейский союз: нормативная сила и кризис доверия	202
7.4. Будущее за миростроительством? Концепции, барьеры, перспективы	205
Заключение	211
Библиография.	218

ВВЕДЕНИЕ

Мир в XXI веке оказался в положении хрупкого равновесия. Его стабильность все больше напоминает зыбучие пески, на которых трудно построить устойчивые конструкции, особенно если речь идет о международных институтах. Один из таких институтов — Организация Объединенных Наций — все чаще становится объектом двойственной реакции: с одной стороны, ее неизменно упоминают как символ коллективной ответственности, с другой — как структуру, утратившую способность воздействовать на реальность. Отсюда проистекает основной вопрос, который и определяет логику настоящего исследования: может ли ООН все еще быть тем институтом, который способен формировать условия для устойчивого мира, когда сам мир радикально меняется?

История миротворческой деятельности ООН — это одновременно история надежд и разочарований, амбиций и сдерживаний, универсалистских мечтаний и прагматичных компромиссов. В момент своего основания ООН предполагалась как универсальный механизм предотвращения войн, способный подменить баланс сил балансом правил. Однако уже в первые десятилетия стало очевидно, что универсальность имеет границы — институциональные, идеологические, геополитические. Миротворчество как инструмент реализации коллективной безопасности с самого начала функционировало на стыке права, политики и морали, и именно в этой промежуточной зоне раскрывались как его потенциал, так и узвистости.

Ключевая гипотеза, с которой работает данная монография, заключается в том, что миротворчество ООН никогда не было нейтральным — ни в политическом, ни в концептуальном смысле. Оно всегда отражало представления о «мире», существующие в конкретный исторический момент. Эти представления формировались не только членами Совета Безопасности, но и контекстом международных конфликтов, доминирующими концепциями безопасности, восприятием насилия и допустимости вмешательства. Следовательно, миротворчество — это не просто набор процедур и мандатов, а модель действия в меняющемся морально-политическом ландшафте.

Современный этап эволюции миротворческой деятельности сопровождается несколькими кризисами одновременно. Прежде всего, это кризис эффективности: операции ООН все чаще оказываются неспособными предотвратить возобновление конфликтов, обеспечить долгосрочную стабилизацию или заслужить доверие местного населения¹. Следом — кризис легитимности, вызванный обвинениями в неэффективности, бюрократизации и зависимости от интересов сильных держав². Третьим измерением становится кризис концептуальности: растущее расхождение между принципами, декларируемыми в уставных документах ООН, и реальными практиками на местах³.

Эта тройственная кризисность требует не столько институционального отчета, сколько интеллектуальной переоценки самой идеи миротворчества. Почему и как оно стало тем, чем является сегодня? Какие идеологические рамки легли в основу его мандатов? Что скрывается за универалистской лексикой и как меняется роль государств в формировании миротворческой повестки? Как «мир» понимается в раз-

¹ *Bellamy A. J., Williams P. D. Understanding Peacekeeping. Cambridge: Polity Press, 2016. P. 188–209.*

² *Paris R. At War's End: Building Peace After Civil Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 3–27.*

³ *Mahmood M. UN Peacekeeping and the Politics of Race and Gender. London: Routledge, 2021. P. 59–84.*

ных культурных и политических традициях и способна ли ООН учитывать эту множественность? Именно эти вопросы и формируют аналитическую рамку настоящей работы.

Монография строится на убеждении, что для понимания современного миротворчества необходимо выйти за пределы традиционных описательных моделей. Требуется переосмысление понятий, в том числе таких, как «безопасность», «гражданская защита», «ответственность» и даже «мир». Все они не являются аполитичными. Их содержание постоянно меняется в зависимости от международной конъюнктуры, внутренних процессов в странах-донорах и эволюции представлений о праве и справедливости¹.

Особое внимание в работе уделяется России как государству, которое прошло сложный путь трансформации от советской концепции международного порядка к новой внешнеполитической идентичности. Российская практика участия в миротворческих операциях преломляется сквозь призму идеологического дистанцирования, прагматического участия и попыток предложить альтернативное понимание миротворчества, основанное на принципе суверенитета, баланса и невмешательства. Эта линия особенно актуальна в свете текущих дискуссий о реформе ООН и изменении архитектуры международной безопасности².

Другая важная линия исследования — это вопрос морального универсализма. Может ли ООН претендовать на универсальность, если ее миротворческие практики зачастую отражают интересы узкого круга государств? Что происходит, когда нормы, выработанные в определенной политической культуре, становятся основой для вмешательства в другие? И существует ли вообще универсальное понимание «мира», приемлемое для всех участников международных отношений? Ответы на эти вопросы требуют привлечения не только международно-правового и поли-

¹ Овчинникова Е. Н. Эволюция миротворческой доктрины ООН // Международная жизнь. 2022. № 3. С. 44–58.

² Косачев К. И. Универсализм и суверенитет: две философии ООН // Политическая экспертиза. 2021. № 4. С. 23–35.

тологического инструментария, но и категорий, традиционно принадлежащих философии, социологии и культурной антропологии¹.

Таким образом, настоящая работа представляет собой междисциплинарное исследование, стремящееся объединить в себе политический, правовой, институциональный и философский подходы. Внимание к деталям конкретных операций сочетается с обобщающими выводами о характере международного порядка, а описание структурных изменений дополняется анализом смыслов, скрытых за дипломатической риторикой. Такой подход позволяет рассматривать миротворчество не как технический механизм, а как лабораторию современного глобального мышления, в которой формируются новые образы насилия, порядка, справедливости и ответственности.

Одной из центральных тем, которую невозможно игнорировать при анализе современной архитектуры миротворчества, становится гуманитарная критика. Возникшая на стыке правозащитной и гуманитарной мысли, она задает неудобные вопросы: действительно ли миссии ООН защищают гражданское население или порой порождают неравенство и зависимость? Почему в некоторых случаях миссии остаются на десятилетия, так и не достигнув устойчивого мира? И не создает ли их длительное присутствие новые формы зависимости, при которых местные институты ослабевают, а реформа откладывается под прикрытием «международного сопровождения»²?

Отсюда вытекает вторая волна критики — постколониальная. В фокусе — не конкретные неудачи операций, а сама структура знания и власти, лежащая в основе миротворческой практики. Постколониальные исследователи указывают, что сами понятия «порядок», «стабильность», «государственность» и «гражданское общество», на которые опира-

¹ *Chandler D.* Empire in Denial: The Politics of State-Building. London: Pluto Press, 2006. P. 13–32.

² *Paris R.* At War's End: Building Peace After Civil Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 117–144.

ется ООН, порождены западной политической культурой и экспортируются в иные контексты без учета культурной специфики. Это превращает миротворчество в мягкую форму нормативной империалистической экспансии, при которой универсальность означает доминирование одних моделей над другими¹.

Россия воспринимает эту критику не как угрозу, а как возможность для философского пересмотра рамок участия. В российской дипломатической риторике все чаще звучат тезисы о том, что ООН должна стать подлинно многополярной площадкой, открытой для разных концепций мира и безопасности².

Таким образом, работа исходит из убеждения, что миротворчество — это не столько инструмент урегулирования, сколько зеркало международного порядка. Через него можно проследить смену эпох, баланс сил, идейные сдвиги и кризисы морального воображения. Именно поэтому анализ ООН и ее миссий становится особенно важным в исторические периоды, когда мировой порядок переживает трансформацию. А сегодня, как никогда, глобальная система нуждается в новых интеллектуальных опорах, которые позволят ей не только функционировать, но и быть морально убедительной.

В этой связи тема монографии обретает высокую актуальность. На фоне нарастания конфликтов, усиления конкуренции великих держав, подрыва традиционных институтов международного управления необходимость в осмыслении роли ООН возрастает. Особенно это касается миротворчества как наиболее видимой и амбивалентной функции Организации. С одной стороны — это символ коллективной воли к миру, с другой — источник обвинений в неэффективности, зависимости от политической воли отдельных держав и неспособности предотвращать катастро-

¹ *Anghie A.* Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 67–88.

² *Громыко А.А.* Плюрализм в моделях миротворчества: взгляд из России // Международные процессы. 2022. № 2. С. 14–29.

фы, подобные геноциду в Руанде или провалу в Южном Судане¹.

Монография опирается на аналитический разбор конкретных кейсов, эволюции доктрин и роли отдельных стран (в частности, России) в формировании повестки. Такой подход позволяет не только картографировать географию участия, но и выявить логические линии, по которым развивается концепция международного мира. Кроме того, внимание уделяется рефлексии внутри самой ООН, включая отчеты Генеральных секретарей, реформаторские инициативы, экспертные группы, внутренние кризисные отчеты, — все это позволяет понять не только внешнюю критику, но и внутреннюю интеллектуальную борьбу за будущее миротворчества².

Структурно работа включает:

- Главу 1, в которой прослеживается историческая эволюция представлений о мире, войне и безопасности, начиная с Вестфальской системы и заканчивая гуманитарными и постколониальными вызовами;
- Главу 2, где анализируется институционализация миротворчества в рамках ООН, рассматриваются механизмы принятия решений, особенности мандатов и ключевые реформы;
- Главу 3, посвященную советской внешнеполитической традиции и ее амбивалентному влиянию на становление подходов к ООН и международной безопасности;
- Главу 4, в которой рассматриваются практика участия России в миротворческих операциях после 1991 года, ее дипломатические инициативы и концептуальные предположения;
- Главу 5, посвященную современной архитектуре миротворчества, ее ключевым миссиям, реформаторским проектам и философским основаниям;

¹ *Boulden J.* Responding to Conflict: Strategies of UN Peacekeeping Missions. New York: Palgrave Macmillan, 2013. P. 141–172.

² *Durch W.J.* (ed.) Twenty-First-Century Peace Operations. Washington, DC: United States Institute of Peace, 2006. P. 19–44.

- Главу 6, где на конкретных примерах (Руанда, Ирак, Ливия, Сирия) анализируются пределы эффективности ООН, причины провалов и вызовы морального характера;
- Главу 7, в которой рассматриваются альтернативные формы коллективной безопасности, включая региональные организации, неформальные альянсы и параллельные форматы участия;
- Заключение, в котором формулируется авторская позиция относительно судьбы ООН как института будущего и возможных путей восстановления ее моральной и политической убедительности.

Автор не претендует на окончательные выводы или универсальные рецепты. Цель данной работы — создать пространство для интеллектуального сомнения, в котором можно будет честно задаться вопросами, на которые пока нет однозначных ответов. Существует ли универсальное понимание мира? Может ли организация, рожденная в XX веке, ответить на вызовы XXI? Где проходит граница между гуманитарной ответственностью и политическим интересом? И что в итоге важнее — стабильность или справедливость?

Настоящая монография предлагает не столько решения, сколько попытку понять сложность современного миротворчества. Она адресована тем, кто верит, что в мире, полном неопределенности, наука и рефлексия остаются не роскошью, а необходимостью. Только осмыслив глубинные логики международной политики, можно попытаться переформатировать ее.

Глава 1

ПРЕДЕЛЫ МИРА: КАК МЕНЯЛОСЬ ПОНИМАНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ И МИРОТВОРЧЕСТВА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

1.1. От Вестфалии до Версаля: эволюция международного регулирования

Современная система международных отношений, несмотря на кажущуюся сложность и многоуровневость, во многом остается заложницей философских и юридических категорий, восходящих к XVII веку. Представление о суверенитете, праве государств на независимость и безопасность, коллективной ответственности за мир — все это не новые концепты, а исторически сформировавшиеся категории, которые приобрели нормативную форму через долгую эволюцию. Первым и, безусловно, основополагающим этапом в этой истории принято считать Вестфальский мир 1648 года, завершивший разрушительную Тридцатилетнюю войну в Европе¹. Этот мир стал не только результатом сложных дипломатических переговоров, но и отправной точкой для формирования принципов, на которых впоследствии строилась вся система международного взаимодействия.

¹ Bull H. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. New York: Columbia University Press, 2002. P. 9–23.

Ключевой новацией Вестфальского мира стало закрепление идеи суверенитета как непреложного основания существования государства. Каждый монарх или правитель отныне рассматривался как высшая власть внутри собственных границ, не подотчетная никакому внешнему центру. Это означало конец доминирования универсалистских проектов, прежде всего Священной Римской империи и католической церкви — и начало новой эпохи, в которой государства становились юридически равными, хотя и практически неравными субъектами международного права¹. Суверенитет гарантировал неприкосновенность внутренней политической и религиозной жизни, и именно эта неприкосновенность легла в основу всех последующих принципов невмешательства.

Однако важно понимать, что Вестфальская система не отвергла насилие — она его рационализировала. Суверенитет не запрещал войну, а, напротив, нормализовал ее как средство политического взаимодействия. Государства получили не только право на самостоятельное принятие решений, но и право на ведение войны как элемент международного существования². В этом заключалась фундаментальная двойственность: признание прав сопровождалось признанием силы как допустимого инструмента. Этот миропорядок не устранял войну, а делал ее легитимной — при соблюдении определенных процедур и оснований.

Формализованная теория справедливой войны (*jus ad bellum*) в этот период получила второе дыхание. Такие мыслители, как Гуго Гроций, разрабатывали систему критериев, при которых война могла считаться справедливой: защита суверенитета, восстановление справедливости, возмездие за нарушение соглашений³. Но в реальности эти критерии оставались достаточно гибкими, чтобы быть интерпретиро-

¹ Kissinger H. Diplomacy. New York: Simon & Schuster, 1994. P. 76–112.

² Mazower M. Governing the World: The History of an Idea. London: Penguin, 2013. P. 43–61.

³ Brown C., Bellamy A. J. International Society and Its Critics. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 31–46.

ванными в интересах любого государства, особенно крупных и сильных. Таким образом, международное право того времени представляло собой набор норм, направленных не столько на сдерживание силы, сколько на ее упорядочивание и институционализацию.

Важным аспектом вестфальской модели была ее географическая и цивилизационная ограниченность. Хотя она претендовала на универсальность, в действительности ее принципы распространялись исключительно на христианские европейские державы. Вне этого круга действовали совершенно иные логики — чаще всего логика экспансии, подчинения и насилия. Государства и народы Азии, Африки и Америки не признавались равноправными субъектами международных отношений. Они существовали на периферии Вестфальской системы, если не вне ее вовсе. Признание прав распространялось на европейцев; все остальные рассматривались как потенциальные объекты колониального освоения¹.

В этом проявилась фундаментальная черта западного международного порядка: он изначально был иерархичным. Универсальные нормы, такие как суверенитет и невмешательство, действовали внутри узкого клуба признанных государств. Все прочие включались в систему насильственным образом — через доктрины «права открытия», «миссии цивилизации» или «естественного господства»². Это означало, что в самом основании международного порядка заложено не только различие в статусе, но и легитимность исключения. Одни государства могли рассчитывать на уважение своих границ и автономии, другие — нет.

Постколониальные теоретики — от Антонио Кассезе до Мартина Вайта — подчеркивали, что международное право на протяжении столетий выполняло функцию защитника интересов метрополий, а не универсального арбитра. Оно

¹ *Pedersen S. The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 21–39.*

² *Anghie A. Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 37–55.*

легитимировало подчинение, но отказывало в защите. Идея суверенитета, казалось бы, универсальная, применялась избирательно: она защищала тех, кто уже находился внутри признанной системы, и игнорировала тех, кто за ее пределами. Это создало не просто асимметрию, но целостную структуру неравенства, встроенного в саму логику международного взаимодействия¹.

Более того, колониальные империи сами нарушали принцип невмешательства, которым пользовались в отношениях между собой. Франция и Британия, например, могли конфликтовать в Европе, соблюдая нормы дипломатии, но одновременно вести ожесточенные захватнические кампании в Африке или Азии. В этих регионах не действовали ни законы войны, ни нормы о суверенитете. Местные политические образования либо игнорировались, либо подчинялись через фиктивные договоры, не признаваемые международным сообществом. Таким образом, Вестфальская система не только не была универсальной — она институционализировала структурное исключение.

Вестфальский мир, с которого принято отсчитывать современную историю международного регулирования, не стал ни гарантом мира, ни подлинно универсальной системой. Он создал модель, в которой нормы и принципы действуют в рамках политической силы, а универсальность существует лишь как риторическая конструкция. Тем не менее именно в этой системе зародились категории, которые позже стали краеугольными камнями современного международного права, — от признания государственности до принципа невмешательства и запрета на агрессию.

Первая по-настоящему серьезная попытка институционализировать международную безопасность как систему универсального реагирования на угрозы миру появилась после Первой мировой войны. Опыт катастрофического конфликта, унесшего миллионы жизней, вызвал потребность

¹ *Grovogui S. N. Sovereigns, Quasi Sovereigns, and Africans: Race and Self-Determination in International Law.* Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. P. 88–103.